

Когда маленького котенка принесли обратно на кровать, масло в лампе почти догорело.

Цю Хэнянь передал котенка Цин Яню, а сам спустился с кровати, чтобы найти бочку с маслом и долить в лампу.

Щеки Цин Яня все еще пылали румянцем, его красивые глаза блестели, словно наполненные росой, а губы были настолько ярко-красными, что это казалось почти нереальным. Он укутался в одеяло, не надевая нижней одежды, только алый шелковый дудоу. Лежа под одеялом, он попытался натянуть нижний край нагрудника вниз, но мягкая ткань все равно терлась о соски, вызывая болезненные ощущения, которые не утихали.

Цю Хэнянь, сняв накидку, вернулся к постели. Цин Янь, полушутливо, полусердито, бросил на него взгляд из-под ресниц.

Сев рядом, Цю Хэнянь наклонился к нему и нежно поцеловал в висок, тихо спросив:

— Что случилось?

Цин Янь, упираясь лбом в его лоб, обиженно пробормотал:

— Все из-за тебя, кажется, даже кожа содралась!

Цю Хэнянь опустил взгляд, глаза его потемнели, а голос стал хриловатым:

— Дай мне посмотреть.

Цин Янь, смутившись, быстро перевернулся на бок и сделал вид, что увлеченно играет с котенком, лишь бы избежать его внимания. Прошло немного времени, и, заметив, что лампа все еще горит, Цин Янь обернулся и спросил:

— Ты что, еще не ложишься?

Цю Хэнянь, прислонившись к изголовью кровати, оторвался от книги и, глядя на него с улыбкой, ответил:

— В ближайшие дни можно не вставать рано. Ты же расстроился, когда я забрал котенка, так что теперь можешь еще немного с ним поиграть. Как наиграешься, тогда и спи.

Цин Янь, словно передумав, перестал возиться с котенком. Он перевернулся и, устроившись рядом с Цю Хэнянем, начал вместе с ним читать книгу.

Спустя какое-то время, он поколебался и спросил:

— Хэнянь, ты веришь в переселение душ, в жизнь после смерти?

Он намеренно избегал говорить прямо о «путешествии во времени», ведь этот концепт в их эпоху трудно понять.

Цю Хэнянь задумался, а затем произнес:

— Мне нравится читать книги, потому что я могу увидеть лишь пылинку в великом океане мира, — он легонько постучал по книге в руках. — Это пылинка, увиденная другими. Но даже если я прочту все книги на свете, это, вероятно, будет лишь горсть земли в «ладони» этого мира.

Он посмотрел на Цин Яня и добавил:

— Что касается переселения душ и жизни после смерти, я никогда этого не видел. Но думаю, это вполне может быть правдой.

□□.....

На следующее утро Цин Янь проснулся от мягкого урчания маленького котенка и его пушистого меха, нежно тронувшего его лицо.

За окном сияло яркое солнце, и Цин Янь, отдохнувший после крепкого сна, с радостью поднял мурлыкающего котенка высоко над головой. Его босые ноги тоже взлетели вверх, когда он весело начал петь песенку о том, как мишка и кукла вместе танцуют. Услышав шум, Цю Хэнянь вошел в комнату. Хотя он и не понял слов песни, но настроение Цин Яня было очевидным, поэтому он с улыбкой сел на край кровати и сказал:

— Вставай, завтрак готов.

Цин Янь, покачивая котенка в руках, весело спросил:

— А его завтрак?

Котенок тут же мяукнул, словно понимая вопрос, и вместе с хозяином посмотрел на человека у кровати.

Цю Хэнянь, увидев две пары широко распахнутых глаз, мягко улыбнулся:

— И его завтрак готов.

Цин Янь радостно опустил котенка и попытался одним движением вскочить с кровати, но тут же почувствовал боль во всем теле. Он поднял свою нижнюю рубашку и, обернувшись, посмотрел назад: белая кожа его спины и талии была покрыта красными следами, уходившими под пояс штанов.

Цю Хэнянь тоже это заметил, но не успел ничего сказать, как Цин Янь уже сел к нему на колени и сказал:

— Помассируй.

Цю Хэнянь посмотрел на него, медленно потерев большим пальцем указательный, а затем осторожно запустил руку под его рубашку.

Спустя какое-то время глаза Цин Яня начали блестеть от слез. Он слегка толкнул грудь обнимающего его мужчины и сказал:

— Хватит.

Но рука из-под рубашки так и не ушла. Цин Янь с влажными глазами поднял голову, чтобы посмотреть на него, и тут же был пойман поцелуем.

Мужчина, не прерывая поцелуя, потянулся рукой под подушку и достал черный браслет. Надев его себе на запястье, он другой рукой направил нежную ладонь Цин Яня, чтобы тот коснулся его. Цин Янь сразу все понял, пытаясь вырваться из поцелуя. Слезно и жалобно он произнес:

— Котенок же здесь, ты сам сказал, что он не должен смотреть...

Цю Хэнянь, обняв его, встал и, подняв руку, опустил балдахин кровати, оставив котенка снаружи. Они переместились на пол, где Цин Янь прислонился к теплой стене, избегая холода.

За окном ночь принесла легкий снег, который растаял, едва коснувшись земли. Утром земля оставалась мягкой и влажной. С легким усилием лопата погрузилась в землю.

Наконец, когда они сели завтракать, солнце почти достигло зенита.

Еда для людей и кошки немного подгорела и была слишком мягкой, разваренной до состояния кашицы — это случилось из-за того, что пища слишком долго разогревалась в котле, пока вода

на дне полностью не испарилась.

За год редко выпадали такие приятные моменты. Летом, когда кузница закрывалась, а на земле не оставалось работы по сбору урожая, тоже бывало хорошо. Однако жара не позволяла наслаждаться комфортом так, как это возможно зимой, когда в доме можно топить до такой степени, какой захочется.

Цин Янь дал маленькой полосатой кошке имя — А-Мяо. С того момента, как он назвал ее, он стал ее настоящим хозяином.

Когда он вместе с Цю Хэнянем отправился в город за припасами для похода в горы, они купили для А-Мяо ткань и вату. Тетя Ли сказала, что сошьет для котенка маленький ватник и устроит для него уютное место. Так А-Мяо сможет пойти с ними в горы и не замерзнет.

В этом году кузница работала хорошо. Хотя здоровье у Сяо Чжуана все еще было слабое, он много трудился, встречая гостей, бегая по делам и перетаскивая материалы. Даже махать тяжелым молотом он уже мог, пусть и не без усилий. Год оказался для него тяжелым, и Цю Хэнянь решил порадовать юношу, купив ему новый комплект одежды.

Цин Янь возразил:

— У Сяо Чжуана много братьев и сестер. Если ты купишь что-то только для него, остальные будут смотреть на это с завистью. Лучше купи заднюю часть свиньи и отнеси им. Как раз к Новому году люди соберутся, и на всех хватит на пару обедов.

Они купили свинину и по дороге домой заглянули к семье Сяо Чжуана. Оставили мясо у порога, но заходить в дом не стали и ушли.

Родители Сяо Чжуана были очень рады. Его мать даже прослезилась, а сам Сяо Чжуан лишь стоял и смотрел на свиной окорок, пуская слюни, пока отец не постучал ему по голове, напомнив поблагодарить учителя и его шиму.

Поскольку кузница закрылась рано, Цю Хэнянь решил провести несколько лишних дней в горах. Цин Янь был этому только рад, и они быстро договорились. Однако из-за этого нужно было подготовить больше вещей. Хорошо, что на этот раз все делали вдвоем, и работа казалась не такой утомительной.

Перед тем как отправиться в горы, Цин Янь заглянул к старшей семье Лю и отнес туда курицу, чтобы Ци Инлань мог укрепить здоровье. Неожиданно для него, всего за десять с лишним дней Чжуан-Чжуан сильно изменился: он побелел, поправился, его ручки и ножки стали коротенькими, пухлыми, а глаза — большими и блестящими, совсем перестав быть теми красными и сморщенными, как раньше. Чем дольше Цин Янь смотрел на него, тем больше он умилялся. Он даже застыл от удивления.

Ци Инлань выглядел лучше, чем до родов. Пока его родители были здесь, ему не нужно было ни о чем беспокоиться. Он привык к тому, что еда и питье всегда были под рукой, его супруг заботился о нем, старший брат и невестка оказывали внимание всей семье. В таких условиях восстановление шло прекрасно.

Увидев выражение лица Цин Яня, Ци Инлань не смог сдержать улыбку, прикрыв рот рукой.

— Когда у тебя появится ребенок, ты сам поймешь, — сказал он. — Малыши только-только родились, а уже каждый день меняются. Если хорошо кормить, растут очень быстро.

Вернувшись домой, Цин Янь сел на край кровати, положил руку на свой живот и почувствовал, как внутри разливается тепло. Он даже не стал развязывать одежду, чтобы посмотреть, — он и так знал, что кожа там наверняка снова покраснела.

За последние дни покраснения появлялись несколько раз в течение дня. Это было верным признаком того, что у него снова наступил благоприятный период для зачатия.

Сейчас дома было спокойно, в комнате было тепло, и носить плотную одежду не хотелось. Если бы Цин Янь не чувствовал усталости, то такое случалось бы едва ли не каждый день. А пока это происходило раз в два-три дня, иногда и чаще.

Во время завтрака Цю Хэнянь уже сказал, что сегодня вечером он собирается вскипятить воду и принять ванну.

Цин Янь прикинул: с последнего раза прошло два дня. Он закусил губу, чувствуя, как сердце начало биться быстрее. Он все еще не мог представить себя с округлившимся животом, но дети... они ведь, кажется, такие милые.

Он вспомнил Няньшэна из дома У Цюнянь, такого смышленного и прилежного в учебе, или малышку из семьи Цинь Лань, которая говорила таким милым, детским голосом, была розовой и мягкой, словно кусочек сладкой булочки, и всегда ласково держалась за мать.

И снова в голове Цин Яня прозвучали слова Лю Фа. В день смерти Кузнеца Вана Цю Хэнянь провел всю ночь один во дворе.

«Пусть все идет своим чередом», — сказал он тогда. Если уж сказал, то, конечно, не откажется от своих слов.